

ЖАНРЫ В ФИЛО- И ОНТОГЕНЕЗЕ

УДК 811.161.1'242

ББК 81.2Рус-3

DOI: <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>

А. В. Сидоренко
Стерлитамак, Россия

Alexey V. Sidorenko
Sterlitamak, Russia

Отговорка и отговор в системе речевых жанров

The Otgovorka and the Otgovor in the System of Speech Genres

Исследование посвящено двум близким жанрам, находящимся на периферии актуальной речежанровой системы. Отговорка является жанром детского фольклора, отражающим одну из специфических форм коммуникативного поведения детей. Она позволяет защититься от вербальной агрессии с помощью некоторого перечня известных в детской субкультуре клишированных (чаще всего рифмованных) текстов. В речи взрослых ей соответствует отговор – жанр, нехарактерный для литературной речи, сфера его бытования представлена народным типом речевой культуры. Он восходит к особой разновидности проклятия, назначение которой – защититься от вербальной агрессии. В современной русской речи отговор представлен спорадическими явлениями, однако, по данным словарей, жанр в предыдущие эпохи развития русского языка и культуры был более развит. Отговорка и отговор рассматриваются как риторические жанры.

Ключевые слова: отговорка, отговор, вербальная агрессия, детский фольклор, народная культура, проклятие, система речевых жанров современности.

The research deals with two related genres, representing the periphery of the contemporary system of speech genres. The otgovorka is a genre of children's folklore, reflecting a specific form of children's communicative behavior. It allows to defend oneself against verbal aggression with the help of a certain list of cliched (most often rhymed) texts well known in children's subculture. In the speech of adults it corresponds to the otgovor – a genre uncharacteristic of literary speech, the sphere of its usage is folk culture. It goes back to a special type of curse, the purpose of which is to protect oneself from verbal aggression. In modern Russian speech, the otgovor is represented by sporadic phenomena, however, according to dictionaries, the genre was more typical of the previous stages of the development of the Russian language and culture. The otgovorka and the otgovor are studied as rhetorical genres.

Keywords: otgovorka, otgovor, verbal aggression, children's folklore, folk culture, curse, the contemporary system of speech genres.

Сведения об авторе: Сидоренко Алексей Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка.

Место работы: Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал.

E-mail: alexseysidorenkoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

About the author: Sidorenko Alexey Vladimirovich, Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of the Russian Language.

Place of employment: Sterlitamak Branch of the Bashkir State University.

E-mail: alexseysidorenkoff@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-9656-6820>

Вводные замечания

Хорошо известно, что «в каждую эпоху развития литературного языка задают тон определенные речевые жанры...» [1: 165]. Очевидно, что эти жанры без труда опознаются носителями языка, у них есть общеизвестные «имена». В то же время жанры, не соответствующие «речежанровой картине современности», «внешнекультурной и внутрикультурной парадигме» [2: 84], часто не имеют общепризнанных имён, а их точная квалификация вызывает затруднения. Такие явления, которые, на наш взгляд, уместно именовать

«речежанровыми маргиналиями» (например, заклинание в детской речи [3]), полностью не уходят из употребления и существуют в виде своего рода реликтов. Их изучение позволяет увидеть, как со временем меняются очертания речежанровой действительности.

Нередко названия подобных речевых жанров являются в настоящее время частью терминосистемы определенной области специального знания (фольклористики, этнолингвистики и др.). В этом случае рядовой носитель языка либо не знает соответствующего определенному жанру термина (*благопожелание*,

закличка), либо смешивает близкие жанры (*примета* и *запрет*, *заклинание* и *заговор*). Как пишет К. А. Богданов, классификация фольклорных жанров является плодом научной мысли, и поэтому просьба к информанту рассказать, например, *предание* бессмысленна [4: 23]. Научна и разрабатываемая типология речевых жанров, поэтому, несмотря на то что абсолютное большинство имен речевых жанров в силу своей прозрачной внутренней формы и соотносительности с соответствующими глаголами речевой деятельности (*донос* – *доносить*, *клятва* – *клясться*, *исповедь* – *исповедоваться* и т. п.) хорошо известны рядовому носителю языка (чтобы убедиться в этом, достаточно взглянуть на их обширный перечень, представленный в монографии В. В. Дементьева «Теория речевых жанров» [5: 294–304]), неспециалист по-журденовски может открыть для себя, что воспроизводит, к примеру, *рассказ-пластинку* или вступает в *фатический диалог*.

Отговорка в системе жанров детского фольклора

Идея исследования описываемого в данной статье речевого жанра родилась в ходе изучения речежанровой картины советского детства [3, 6]. Проблема заключается в следующем: едва ли носитель русского языка, не обладающий специальной подготовкой в области детского фольклора, сможет правильно определить актуальный в детской коммуникации речевой жанр, представленный текстами типа «*На горе стоишь – сам на себя говоришь*», «*А я лесенку поставлю и все буквы переставлю*» и т. п. Его специфическое, конвенционально закрепленное в детской субкультуре назначение – нивелировать оскорбительный потенциал любого обращенного к адресату агрессивного высказывания, нередко перенаправляя уничтожительную характеристику на самого агрессора.

Известным психологом, исследователем детской субкультуры М. В. Осориной для данного жанра был предложен термин *отговорка*. По указанию автора, так называют соответствующие ему тексты сами дети. «Отговорка – это обычно рифмованный фольклорный текст, который используется детьми в качестве защитного клише на вербальную агрессию определенного типа. Дети младшего возраста считают их наиболее адекватным и оптимальным орудием защиты в ситуации дразнения» [7: 58].

Отговорка – реактивный жанр, в речежанровой системе детского фольклора парный по отношению к *дразнилке* (или *издевке* и т. п.). Имя данного жанра принадлежит термино-

системе фольклористики. (Оно омонимично названию другого речевого жанра, свойственного повседневному общению и известного среднему носителю языка: «ссылке на что-либо с целью уклониться, отказаться от чего-нибудь» [8: 1309]). К тому же сам жанр, представленный в детской речи в основном рифмованными текстами, имеет очень узкую применимость, ограниченную лишь одной, четко заданной коммуникативной ситуацией, и, показательно, имеет четкие возрастные ограничения, налагаемые на образы автора и адресата (согласно модели речевого жанра Т. В. Шмельевой [9]): появляясь в речи детей дошкольного периода, достигает пика употребительности к 7–8 годам и постепенно уступает место другим подобным жанрам с той же коммуникативной целью (в частности, *остротам* типа «*Все про себя да про себя, а про меня ни слова*» или «*А тебе завидно? Завидуешь молча!*») примерно к 11 годам [7: 61].

М. В. Осорина предложила классификацию текстов отговорок «по содержанию»: 1. «Магическую манипуляцию словами и буквами» представляют тексты типа «*Черная касса – ключ у меня, / Кто обзывается – сам на себя*», «*А я лесенку приставлю / И все буквы переставлю*». 2. «Имитации дедуктивно-логического заключения» соответствуют формулы типа «*Я дурак, а ты дурнее, / Значит, я тебя умнее*». 3. «Позитивная расшифровка обзывания» выглядит следующим образом: «*Дура – дорогая, уважаемая, родная, обожаемая*». 4. Наконец, «защита-нападение» реализуется как «*Я – дурочка Снегурочка, / Мой папа – Дед Мороз, / А мамочка – фиалочка, / А ты – сопливый нос*» [7: 60]. *Отговорка* эффективна потому, что она представляет собой удачное, остроумное (с точки зрения детского вкуса) высказывание. Показательно, что в зачине ряда текстов, выполняющих защитную функцию, присутствует эстетическая оценка высказывания агрессора: «*Не складно, не ладно, в твоих трусах прохладно...*», «*Не в склад, не в лад, поцелуй корову в зад...*» и т. п.

Ценность *отговорки* как этикетного жанра заключается в том, что она позволяет восстановить социальное равновесие, погасить конфликт, не прибегая к ответной агрессии (помимо того «агрессивного» компонента, который заложен в *отговорках* типа «защита-нападение»). И хотя исследования М. В. Осориной осуществлены более 30 лет назад и за это время существенно изменилась общекультурная парадигма, *отговорка* (как и парная ей *дразнилка*) остается, по словам фольклористов, актуальным жанром детской речи даже в среде, не располагающей к сохранению детского фольклора [10: 285]. Однако, подобно *мирилкам* и *правовым приговорам*, *отговорка*

почти не исследована [11: 41] (как и множество иных жанров, «которые не изучены вообще и даже практически не изданы» [12: 226]). Нередко их вообще нет в сборниках детского фольклора.

Итак, название *отговорка* «подслушано» у детей и введено М. В. Осориной в научный оборот в качестве названия жанра. Однако даже сами фольклористы не всегда им пользуются: так, в относительно недавно изданном сборнике детского фольклора этот жанр представлен под именем «*дразнилочка-перепалочка*» [13: 553–555]; в другом сборнике *отговорки* помещены вместе с *дразнилками* и не отграничены от них [14: 85]. *Отговорке* посвящена отдельная статья в культурно-антропологическом словаре С. Б. Борисова «Русское детство» [15: 81–82].

Есть ли отговорка в речи взрослых?

В работе [6] мы показали, что в детской речи советского периода жанр *клятвы* имел весьма своеобразную модификацию, представленную в основном устойчивыми текстами, созданными по фольклорным законам. Аналогичным образом такой актуальный для детей дошкольного возраста жанр, как *мирилка* (наиболее известны представляющие его тексты с зачином «*Миришь, миришь, миришь, и больше не дерись...*», хотя есть и иные [13: 555–556]), в речевом жанре может быть рассмотрен как вариация «взрослого» жанра *примирения*, что соответствует, по-видимому, идее Т. В. Шмелёвой о «регулярной реализации речевых жанров, которые будут различаться прежде всего по сферам общения» [9: 97] и точке зрения, высказанной в недавней статье В. А. Салимовского и Д. В. Яруллиной, согласно которой «тождество жанра» определяется «по первичному замыслу, соответствующему иллокуции» [16: 156]. В обоих случаях бахтинское противопоставление «стандартных» и «более свободных и творческих» [1: 187] жанров, если принять данную точку зрения, становится не актуальным: у взрослых жанр воплощается в более или менее свободных высказываниях, а у детей – в устойчивых формулах. Это объясняется как формирующейся жанровой компетенцией ребенка («жанрами нужно хорошо владеть, чтобы свободно пользоваться ими» [1: 187] – овладевая непростым этикетным жанром *примирения*, ребенок пользуется готовыми формулами-*мирилками*), так и востребованностью «коммуникативных клише» в детской субкультуре, «завораживающей» ребенка «магической силой ритмического текста» [7: 61].

В связи с высказанными соображениями напрашивается вопрос о наличии жанра, по-

добного *отговорке* (или тождественного ему), в речи взрослых. Если идти от параметра языкового оформления, становится ясно: никаких клише, кроме «*сам дурак*» (название рубрики вышедшей с 1980-х гг. телепередачи Дм. Крылова «Телескоп», где критикуемый деятель кино или ТВ мог развернуто ответить своим критикам) или «*от X-а слышу*» (« – *Самозванец. / – От самозванца слышу*» из диалога царя и И. В. Бунши в комедии Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию»; « – *Ну и дурак./ – От дурака слышу./ – Ну ладно, ладно... уж и слова не скажи!..*» [Вен. Ерофеев. Москва – Петушки (1970)]), по нашим наблюдениям, в современной русской речи не представлено. Хотя у В. И. Даля есть выражения, как будто подходящие для выражения данной интенции, например, «*Твой приговор, да тебе же во двор*» [17: 1064]. Насущная проблема: как ответить на акт вербальной агрессии, не теряя достоинства и не переходя к перебранке с чередой взаимных оскорблений, судя хотя бы по комментариям к публикациям в популярных группах социальных сетей, в мире взрослых не решена.

Таким образом, несоответствие *отговорки* речевому жанру современности также не способствует закреплению названия данного жанра в широком обиходе. С точки зрения критерия, предложенного А. Д. и Е. Я. Шмелевыми («отнесенность конкретной речевой деятельности к тому или иному речевому жанру определяется способностью носителей языка идентифицировать и назвать его как таковой» [18: 18]), можно предположить, что перед нами *оскорбление* или *перебранка* – эти имена жанров всегда на слуху.

Словари русского литературного языка XX–XXI веков не фиксируют лексемы *отговорка* в значении названия данного жанра. Однако в БАС'е находим слово *отговор*, одно из значений которого: «У суеверных людей – заклинание, якобы имеющее силу отвратить что-либо» [8: 1309]. В «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847) *отговор* (слово характеризуется пометой *старое*) значит «ответ, отповедь, возражение» [19: 101]. В «Словаре русского языка XI – XVII вв.» его прямое значение – «ответ» [20: 215]. Среди пяти значений слова *отговорити*, выделенных в том же словаре, в аспекте изучаемой проблемы нас интересуют следующие: «возражая, отвести, отклонить, отменить» [20: 216].

Еще более интересные результаты дает обращение к «Словарю русских народных говоров». *Отговаривать* значит «говорить в ответ; отвечать»; также зафиксирован оттенок значения «грубо отвечать кому-либо; огрызаться»: «*Мы у батьки жили, никогда не отговаривали; и дети у меня не отговаривали*».

(Отметим: согласно словарю, *отговаривать* не всегда значит *огрызаться*: это близкие, но разные жанры). *Отговариваться* значит «грубо отвечать кому-либо; огрызаться». *Отговор* в данном словаре имеет два значения: 1. «Резкое возражение на чье-либо замечание, отповедь». 2. «В суеверных представлениях – заклинание, якобы способное вызвать болезнь, порчу и т. п.» [21: 152]. Синонимом *отговора* в первом значении выступает *отбрёх*: «ругань в ответ на ругань; отговорка, возражение» [21: 122]. Фиксируются также дериваты *отговорчивый* («находчивый в разговорах, бойкий на язык»), *отговорщик* («тот, кто грубо отвечает старшим, огрызается», а также «знахарь, колдун, якобы способный избавить о болезни, наговора, порчи») и *отговорщица* [21: 152]. В БАС'е находим также просторечные глаголы *отбрёхиваться* в значении «отбраниваться, отругиваться» [8: 1249] и *отругиваться* – «бранью защищаться от нападков» [8: 1585].

Таким образом, в просторечии и диалектах существуют глаголы речевой деятельности (*отругиваться*, *отбрёхиваться*, *отговаривать*) и соответствующие им существительные (*отбрёх*, *отговор*), именующие особый речевой жанр, не характерный для сферы литературной речи. По-видимому, этот жанр следует отнести к риторическим (в соответствии с критериями, предложенными О. Б. Сиротининой [22]). Не каждый способен *отговаривать* (*отбрёхиваться*, *отругиваться*): словарь фиксирует лексемы *отговорчивый*, *отговорщик* и *отговорщица* для обозначения лиц, обладающих соответствующей жанровой компетенцией. Спрос на подобную компетенцию сегодня порождает предложение на рынке популярной психологической литературы (вспомним: впервые к исследованию отговорки обратился именно психолог). Таковы книга В. Петровского и А. Ходорыча «Энкоды: как договориться с кем угодно и о чем угодно» (М.: Эксмо-Пресс, 2011), обещающая научить «блокировать любую словесную агрессию», адресованная «деликатным умным людям, страдающим от окружающего хамства» работа М. Литвака «Психологическое айкидо» (Ростов н/Д: Феникс, 2011) и многие другие.

Отговор как проклятие

В сфере детской речи *отговору* соответствует *отговорка*. Формальная организация многих текстов, воплощающих данный жанр, их коммуникативная цель (защита от акта вербальной агрессии), заложенная в них концепция адресанта и адресата и другие параметры позволяют говорить о том, что *отговорка* наследует определённому типу традицион-

ных славянских *проклятий*, произносимому «в условиях словесного поединка, в ходе перебранки», примером чего являются следующие «речежанровые сценки» (выражение В. В. Дементьева) на белорусском языке: «*Брэшэш ты! – Нехай тваго бацька дзеці брэшуць!*»; «*Пацалуй ў сраку! – Каб на тваю сраку чэрвей з сабаку!*» [23: 290]. По словам исследователей традиционной славянской культуры, «подобные злоречения призваны не столько проклясть обидчика, сколько дать ему отпор, оскорбить, ответить бранью на брань» [23: 290]. Приведенные здесь примеры позволяют увидеть хотя бы отдаленную близость *отговорки* и данного типа *проклятия* с точки зрения языкового воплощения представляющих их текстов. Так, уже по двум приведенным текстам становятся заметны «подхват» лексемы, являющейся составной частью инвективы, наличие местоимений второго лица, как это проявляется во многих отговорках («*Я дурак, а ты дурнее...*», «*Я – дурочка-Снегурочка..., а ты – сопливый нос*»), ответное оскорбление, нередко на основе лексикой сферы материально-телесного низа («*Обзывайся сколько влезет –/На тебя понос налезет*», «*Не складно, не ладно, /В твоих трусах прохладно*») и т. д. Тексты же вроде «*На горе стоишь – сам на себя говоришь*», «*Кто так обзывается, тот сам так называется*» [13: 554] построены по модели, свойственной другому типу *проклятия* – «вербальному оберегу, имеющему целью защитить от порчи, от опасных контактов, вредоносных сил», коммуникативная цель которого – «не только отвернуть от себя «черное слово», но и переадресовать его тому, кто проклинает, «пересылая» угрозу на говорящего («Из твоих уст тебе на голову»)» [23: 290]. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» находим примеры белорусских, польских, сербских, болгарских *проклятий-оберегов*: «*Каб твае клятвы да табе ў пяты!*», «*Каб твае рэчы да табе ў плечы, твае слаvesа да табе за пояса!*», «*Клят, клят ды на сябе бяры!*», «*Чужым вочам – соль да пячаль. Што думаеш мне, получи сабе!*», «*Кто klnie, to na niego Ignie!*», «*Немој ме проклету-сујеш, тебе че те стигне!*» [«*Не кляни меня, на тебя это падет!*»], «*Како ми помислиш, све тебе стига!*» [«*Что думаешь мне, все настигнет тебя*»] [23: 290]. Показательно, что в рамках разных славянских традиций были выработаны специальные наименования для данного типа *проклятий*: у белорусов это *адкляцці*, у поляков – *odzywki* (или *odwroczenie bluzgow*). Нетрудно заметить, что внутренняя форма этих имен жанра аналогична русскому *отговору*, одно из значений которого, напомним, – «у суеверных людей – заклинание, якобы имеющее силу отвратить что-

либо» [8: 1309]. Эти параллели подтверждают давно выявленную закономерность: при утрате сакральности магического слова в детском фольклоре сохраняются его «стилистический уровень и тропика» [24: 54–55].

Выводы

Отговорка и *отговор* находятся на периферии речевжанровой системы. Первая входит в систему жанров детского фольклора и употребляется детьми примерно до 11–12-летнего возраста, второй же вообще присущ потерявшему свои былые позиции народному типу речевой культуры (о типах речевой культуры см. [25]), для которого очень характерны т.н. «народные паремии», обслуживающие разные коммуникативные ситуации [26] (типа «*Твой приговор да тебе же во двор*»), в том числе запретные для обсуждения носителей элитарного типа речевой культуры. *Отговорка* позволяет ответить на акт вербальной агрессии (а также иногда и невербальной, например: « – *А мне не больно, курица довольна!*») таким образом, что говорящий не только защищает себя, но и пресекает дальнейшие словесные нападки, делая их бессмысленными и небезопасными (агрессор рискует быть названным «*сопливым носом*», у него может «случиться» «*в трусах понос*» и т. п.). *Отговор* в речи взрослых как минимум должен защитить от вербальной агрессии, а как максимум – пресечь бессмысленную и взаимно невыгодную *перебранку (ссору)*, однако не каждый владеет компетенцией *отговорщика* или *отговорщицы*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. // М. М. Бахтин Собр. соч. : в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М. : Русские словари, 1996. С. 159–206.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров и актуальные процессы современной речи // Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 78–107.
3. Сидоренко А. В. Заклинание как речевой и фольклорный жанр в детской речи // Славянский альманах 2018. Вып. 1–2. М. : Индрик, 2018. С. 261–277.
4. Богданов К. А. Повседневность и мифология: исследования по семиотике фольклорной действительности. СПб. : Азбука, 2015. 416 с.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М. : Знак, 2010. 600 с.
6. Сидоренко А. В. Детская клятвенная в советскую эпоху: речевжанровые характеристики // Жанры речи. 2016. № 2 (14). С. 72–78.
7. Осорина М. В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. С. 47–64.
8. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. Т. 8. М. ; Л. : АН СССР, 1959. 1840 с.

9. Шмелёва Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи : сб. науч. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 88–98.

10. Петкевич Г. С. Русский детский фольклор в Литве: проблемы бытования и методика записи // От конгресса к конгрессу : материалы Второго Всерос. конгресса фольклористов : сб. докладов : в 4 т. Т. 4. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2012. С. 280–290.

11. Детский фольклор / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М. Ю. Новицкой, И. Н. Райковой. М. : Русская книга, 2002. 560 с.

12. Белоусов А. Ф., Головин В. В., Кулешов Е. В., Лурье М. Л. Детский фольклор: проблемы и перспективы изучения // I Всерос. конгресс фольклористов : сб. докл. : в 4 т. Т. 1 / ред. А. С. Каргин. М. : Гос. респ. центр рус. фольклора, 2005. С. 215–239.

13. Карпунин И. Е. Русский детский фольклор в Башкортостане. Уфа : Баш. энцикл., 2013. 654 с.

14. Тверской детский фольклор / сост. Л. В. Брадис и Л. Г. Шомина. Тверь : Тверской гос. ун-т, 2001. 179 с.

15. Борисов С. Б. Русское детство XIX – XX вв. : культурно-антропологический словарь : в 2 т. Т. 2. СПб. : «Дмитрий Буланин», 2012. 832 с.

16. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159.

17. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля : в 4 т. Т. 3. М. ; СПб. : Издание т-ва М. О. Вольф, 1907. 1782 с.

18. Шмелева Е. Я., Шмелёв А. Д. Русский анекдот : текст и речевой жанр. М. : Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

19. Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. Т. 1. СПб. : Императорская Академия наук, 1847. 415 с.

20. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 13. М. : Наука, 1987. 319 с.

21. Словарь русских народных говоров. Вып. 24. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. 368 с.

22. Сиротинина О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи. Саратов, 1999. Вып. 2. С. 26–31.

23. Виноградова Л. Н., Седакова И. А. Проклятие // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. Т. 4 / под ред. Н. И. Толстого. М. : Международные отношения, 2009. С. 286–294.

24. Лойтер С. М. Русский детский фольклор и мифология : Исследование и тексты. Петрозаводск : КГПУ, 2001. 296 с.

25. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Энциклопедия «Русский язык» / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Дрофа, 1997. С. 413–415.

26. Свалова Е. Н., Подкоков И. А. К пиру едется, а к слову молвится // Народная паремия Пермского края. СПб. : «Маматов», 2014. 176 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres]. In: Bakhtin M. M. *Sobraniye sochinenii* : v 5 t. T. 5 : *Raboty 1940-kh nachala 1960-kh godov* [Collected works in 5 vols. Vol. 5 : Works of the 1940s–1960s]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, pp. 159–206 (in Russian).
2. Dementyev V. V. Teoriya rechevykh zhanrov i aktual'nyye protsessy sovremennoy rechi ["Speech genre"

theory and actual processes in contemporary speaking]. *Vo-prosy yazykoznanija* [Topics in the study of language], 2015, no. 6, pp. 78–107 (in Russian).

3. Sidorenko A. V. Zaklinanie kak rechevoj i fol'klornyj zhanr v detskoj rechi [Incantation as a speech and folklore genre in children's speech]. *Slavjanskij al'manah* [Slavic almanac, 2018]. Moscow, Indrik Publ., 2018, iss. 1–2, pp. 261–277 (in Russian).

4. Bogdanov K. A. *Povsednevnost' i mifologija: issledovaniya po semiotike fol'klornoj dejstvitel'nosti*. [Daily life and mythology: research on the semiotics of folklore reality]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2015. 416 p.

5. Dementyev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

6. Sidorenko A. V. Children's oath in the soviet era: speech genre characteristics. *Speech Genres*, 2016, no. 2 (14), pp. 73–79. DOI: 10.18500/2311-0740-2016-2-14-72-78 (in Russian).

7. Osorina M. V. O nekotoryh tradicionnyh formah kommunikativnogo povedenija detej [About some traditional forms of communicative behavior of children]. In: *Jetnicheskie stereotipy povedenija* [The ethnic stereotypes of behavior]. Leningrad, Nauka, Leningr. otd-nie Publ., 1985, pp. 47–64 (in Russian).

8. *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: v 17 t. T. 8* [Dictionary of the modern Russian literary language: in 17 vols.], vol. 8. Moscow, Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. 1840 p.

9. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech genres: coll. of sci. art.]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, iss. 1, pp. 88–98 (in Russian).

10. Petkevich G. S. Russkij detskij fol'klor v Litve: problemy bytovaniya i metodika zapisi [Russian children's folklore in Lithuania: problems of existence and recording technique]. *Ot kongressa k kongressu: materialy Vtorogo Vseross. kongressa fol'kloristov: sb. dokl.: v 4 t. T. 4* [From congress to congress: materials of the Second Russian Congress of specialists in folklore: in 4 vols.], vol. 4. Moscow, Gos. resp. tsentr rus. fol'klora, 2012, pp. 280–290 (in Russian).

11. *Detskij fol'klor*. Sost., vstup. st., podgot. tekstov i komment. M. Ju. Novickoj, I. N. Rajkovej [The children's folklore]. Moscow, Russkaja kniga Publ., 2002. 560 p. (in Russian).

12. Belousov A. F., Golovin V. V., Kuleshov E. V., Lur'e M. L. Detskij fol'klor: problemy i perspektivy izuchenija [Children's folklore: problems and prospects of studying]. *I Vseross. kongress fol'kloristov: sb. dokl.: v 4 t. T. 1* [First Russian congress of specialists in folklore: of ref.: in 4 vols.], vol. 1. Moscow, Gos. resp. tsentr rus. fol'klora, 2005, pp. 215–239 (in Russian).

13. Karpuhin I. E. *Russkij detskij fol'klor v Bashkortostane* [Russian children's folklore in Bashkortostan]. Ufa, Bash. entsikl. Publ., 2013. 654 p.

14. *Tverskoj detskij fol'klor*. Sost. L. V. Bradis i L. G. Shomina [The children's folklore of Tver]. Tver, Tverskoj gos. un-t, 2001. 179 p.

15. Borisov S. B. *Russkoe detstvo XIX–XX vv.: kul'turno-antropologicheskij slovar': v 2 t.* [Russian childhood of the XIX–XX centuries: cultural and anthropological dictionary: in 2 vols.], vol. 2. Saint Petersburg, "Dmitrii Bulanin", 2012. 798 + 829 p.

16. Salimovsky V. A., Yarullin D. V. On a Speech Genre Identity. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 151–159. DOI: 10.18500/2311-0740-2017-2-16-151-159 (in Russian).

17. *Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka Vladimira Dalja: v 4 t. T. 3* [Explanatory Dictionary of the Russian Language by Vladimir Dahl: in 4 vols.], vol. 3. Moscow, Saint Petersburg, Izdanie t-va M. O. Vol'f, 1907. 1782 p. (in Russian).

18. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoj zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2002. 144 p. (in Russian).

19. *Slovar' cerkovnoslavjanskogo i russkogo jazyka: v 4 t. T. 1* [Dictionary of Church Slavonic and Russian language: in 4 vols.], vol. 1. Saint Petersburg, Imperatorskaja Akademija nauk, 1847. 415 p.

20. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language XI–XVII centuries], iss. 13. Moscow, Nauka Publ., 1987. 319 p.

21. *Slovar' russkij narodnyh govorov* [Dictionary of Russian dialects], iss. 24. Leningrad, Nauka Leningr. otd-nie Publ., 1989. 368 p.

22. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshlenija po povodu terminov "rechevoj zhanr" i " ritoricheskij zhanr" [Some reflections on the terms "speech genre" and "rhetorical genre"]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.]. Saratov, 1999, vol. 2, pp. 26–31 (in Russian).

23. Vinogradova L. N., Sedakova I. A. Prokljatije [Curse]. *Slavjanskije drevnosti: Jetnolingvisticheskij slovar': v 5 t. T. 4* [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary: in 5 vols.], vol. 4. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, pp. 286–294 (in Russian).

24. Lojter S. M. *Russkij detskij fol'klor i mifologija: Issledovanie i teksty* [Russian children's folklore and mythology: Research and texts]. Petrozavodsk, KGPU, 2001. 296 p.

25. Gol'din V. E., Sirotinina O. B. Rechevaja kul'tura [The speech culture]. In: *Enciklopedya "Russkij jazyk"* [The Encyclopedia of Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 1997, pp. 413–415.

26. Svalova E. N., Podjukov I. A. K piru edetsja, a k slovu molvitsja [To the feast is going to say the word]. In: *Narodnaja paremika Permskogo kraja* [People's Paremics of Perm Krai]. Saint Petersburg, Mamatov Publ., 2014. 176 p.

Статья поступила в редакцию 29.07.2018

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Сидоренко А. В. Отговорка и отговор в системе речевых жанров // Жанры речи. 2019. № 3 (23). С. 234–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>

For citation

Sidorenko A. V. The Otgovorka and the Otgovor in the System of Speech Genres. *Speech Genres*, 2019, no. 3 (23), pp. 234–239. DOI: <https://dx.doi.org/10.18500/2311-0740-2019-3-23-234-239>.